

Издание альманаха «Воля Донбасса» Союза писателей ЛНР было давно ожидаемым: это уже третий альманах этой серии, посвященный теме войны на Донбассе (ранее выходили «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса», ставшие вехами литературного движения ЛНР). Как и в первых двух, его авторами стали не только авторы из ЛНР и ДНР, но и россияне. Книга издана при содействии с Интернациональным Союзом писателей (ИСП). Был проведен открытый литературный конкурс, и по его результатам отобраны 26 поэтов, восемь прозаиков и два драматурга, чьи произведения и вошли в альманах.

Литература Донбасса о войне, начавшейся в 2014 году, давно уже стала знаковым явлением в современной русской литературе. К ее неоспоримым достоинствам относят возрождение лучших качеств литературы о войне, которые были явлены в свое время авторами старших поколений – солдатами Великой Отечественной. Эти особые качества – «оголенность» человеческой души перед лицом смерти, обнажающая ее до самого дна и делающая невозможной никакую ложь и фальшь; особый военный стиль, в котором выброшено все лишнее, и язык оживает своей внутренней силой – все это, действительно, вновь ожило в «донбасской» прозе и поэзии.

Новый альманах, как предшествующие, полностью посвящен военной теме, однако в нем явно ощутимо изменение ракурса ее видения и соответствующее этому изменение тональности. Как и прежде, большинство текстов, имеют «репортажный» характер, написаны если не по «горячим следам» событий, то по не менее горячим воспоминаниям, однако в них появилось новое измерение – особая дистанция памяти, заставляющая перейти от непосредственного переживания событий не только к их осмыслению (это было и раньше), но уже и к новой «картине мира», порожденной опытом прошедших исторических событий. Как известно, классика русской военной литературы – роман «Война и Мир» – создан полвека спустя после описанных в нем событий. Наиболее значимые произведения о Великой Отечественной войне также выходили лишь начиная с 1960-х годов, а завершающий эту тему шедевр – роман «Прокляты и убиты» В. Астафьева – точно так же только через полвека, в 1990-х. В нашем же случае, даже пятилетняя дистанция от начала войны уже привела авторов к ее цельному художественному осмыслению.

Общую смысловую доминанту всех произведений альманаха можно определить как *преображение памяти* – это не просто память о трагических событиях, но ее преобразование в новый опыт народа, который будет передан будущим поколениям. В этом преображении память о войне предстает в первую очередь как память о человеческих поступках, о нравственном выборе и смысловых прозрениях людей, втянутых в водоворот событий. Над общим разделением мира на «своих» и на

«врагов» надстраивается новое видение и тех, и других не только как героев, жертв и преступников, но и как в равной степени участников одной общей драмы Истории, разделившей людей на своих и чужих, но все равно судимых по одним и тем же законам Божиим и человеческим. Война лишь выявила в людях то, что было в них и раньше, но проявлялось скрыто и под личинами. Война и разделение на врагов сделала внутреннее и скрытое – внешним и явным; война поставила эксперимент, а его результаты должны теперь исследовать писатели, исполняя порученное им народом ремесло – говорить то, что тоже пережито, но не высказано другими.

Первый раздел альманаха – «Поэзия» – очень удачно открывается стихотворением Елены Заславской «Новая заря», которое, как нам кажется, является смысловым и эмоциональным камертоном всего альманаха. Тот смысловый стержень преобразования памяти, о котором сказано ранее, явлен в этом стихотворении весьма зримо и по-настоящему пронзительно:

Душа моя, о чем ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик –
Убийца, нацик и фашист?

Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?
Так общей болью причащаясь,
Ты узнаешь, что есть любовь.

И ею как щитом хранима
Вся наша русская земля.
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

В этом стихотворении дан «код» русского мировоззрения. Начинаясь словами библейского Псалмопевца «Душа моя, о чем ты плачешь?», оно начинается с основы основ – жалости и сострадания ко всем людям без исключения, и в первую очередь к тем, кто был обманут и творил зло не по своей воле. Вот это и есть внутренняя основа христианской души, которую в наше время «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный» (Ф. Тютчев). Отсюда рождается любовь в библейском смысле – не как «чувство», которое не вечно, но как способ мысли и мировосприятия, который приобщает нас к Вечности. Такая любовь «заранее прощает всех каинов, проливших кровь» – это Христова любовь, на которую отчасти способны и люди. Именно такой любовью «как щитом хранима вся наша русская земля», и только благодаря ей, как чудо, Русь стоит тысячу лет. Именно поэтому она и стала Третьим Римом – хранителем преемства священного Православного Царства, которое, по пророчествам святых, ей дано нести до конца мира сего.

По этой мистической линии и происходит разделение людей и наше время, как и раньше. По одну сторону – русские, по другую «Европы сытой холуи», как сказано об этом в другом ее стихотворении:

Для вас, Европы сытой холуи,
Зажглись артиллерийские зарницы!

Эта война *праведная* и сродни мученическому подвигу, о чем нам и напоминает взятый автором эпиграф из стихотворения Н. Гумилева о Второй Отечественной войне, позже оболганной и переименованной в «Первую мировую»: «И воистину светло и свято / Дело величавое войны...». Поэтому и сам поэт мыслит себя как воина на этой священной войне против тьмы мира сего. Его слово – на грани бытия и живет болью о всех живущих и умирающих:

И ты исчезнешь в темной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?

Удивительно то, что в альманахе есть несколько сильных стихотворений историсофского содержания, казалось бы, очень далеких от конкретики войны, но несомненно, порожденных ее опытом. Таким же библейским духом наполнено стихотворение Натальи Литвиненко (Перепелки):

Не ищите града земного,
Не ругайте 20 век.
Мы увидим, честное слово,
Что не видел еще человек.

Будем бледны, и гладны, и сиры,
Сгинем мертвы в изгибах земли.
И сего прекрасного мира
Больше уж не увидите вы.

Неуместны права человека,
Как он хрупок, хладом палим,
Мир не знал подобного века –
До другого, что будет за ним.

Столь апокалиптическое видение истории – это дар православной души, уже почти забытый современной поэзией. Удивительно, как поэты Донбасса чувствуют мировое призвание русского слова. Людмила Гонтарева грустит:

Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?

Громких томов – пустыня.
И только молчанье – вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.

Нет, есть в нас и тонкая мудрость Востока, и молчание, из которого рождается неведомое вещее слово! Таких «озимых строк», родившихся после долгой зимы молчания души – много в этом альманахе.

В этом обзоре мы не можем упомянуть всех поэтов, представленных на страницах альманаха, и сознательно делаем выбор в пользу текстов, не связанных с одной лишь конкретикой войны, но несущих в себе вот такие «пророческие» прозрения и мирообъемлющее видение жизни. Это важно не только для развенчания пошлого мифа о литературе Донбасса как о якобы региональной и замкнутой на местной тематике, но и в силу реальной ценности этих произведений, относящихся к вершинам того, на что вообще способна современная литература. Ведь задача современной литературы – не только художественная; это в первую очередь необходимость преодолевать скудость и ущербность экзистенциального опыта современного человека, оторванного от великих традиций прошлого и загнанного в свой узкий мирок мифов и предрассудков «современной» цивилизации. Литература призвана разрушать этот мирок и распахивать душу вечному и неведомому. В альманахе есть удивительное стихотворение как раз об этом – о том, как растет душа:

Чужих стихов прочитанные строчки,
Как мотыльки сгорают надо мной.
Тянусь, приподнимаюсь на носочки –
Так шире горизонт. Мой след земной...

На каждый час, на каждое мгновение
Достаточно ли слов и тишины?
В чужих стихах, их строчках – откровенья,
Мечты и страхи, и чужие сны...

Одни горят – и грея, и питая.
Они сияют, разгоняя мрак,
Другие – мрак и стужу нагоняют...
Они живут... В моём, в иных мирах...

Так пишет Марина Бережнева своё «метафизическое» стихотворение. Нам кажется, оно совсем не случайно оказалось в ее подборке. Ведь это столь реальное чувство открывающейся запредельности – это тоже особый опыт военной поры. Всем памятна строка песни из кинофильма «Батальоны просят» огня, которую исполнял Н. Караченцов: «Как ни странно, в дни войны / Есть минуты тишины». Вот такая неожиданная тишина и рождает то совершенно особенное состояние, о котором говорится в этом стихотворении.

В альманахе представлены и стихотворения Юнны Мориц – поэтессы, соединяющей в себе много разных эпох: когда-то ее строчку взял эпиграфом к своему стихотворению Н. Асеев, в свое время споривший с Н. Гумилевым, а теперь она гремит своей стихотворной публицистикой, отзываясь на все мировые события. Вот, например, о «санкциях»:

Санкции – разве они из-за Крыма?
Врете! А чистая правда без грима –
В том, что покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!

Санкции будут за вдох и за выдох,
Будут они в нескончаемых видах...

Санкциям если назначили цену,
Чтобы они подлежали обмену, –
Значит, у сделки цена такова:
Чтоб не осталась Россия жива!

Но кроме стихотворной публицистики с ее редкой остротой и слова, и смысла, Ю. Мориц остается и поэтом пророческого слова, формулирующем мощные прозрения в суть истории. Вот ее слова о сущности бытия России:

Иди, Россия, себе навстречу,
Себя не мимо – не в бездну бед,
Иди навстречу себе, как речью
Идёт навстречу прозренья свет!

Вот тот «путь России», о котором спорят уже два века лучшие умы – «себе навстречу»! Не «в Европу», и не в мифическое «светлое будущее», а *к себе*. Потому что другой такой нет. И любое отклонение на ложный путь – не к себе, а куда-то по чужой указке – неизбежно приведет к «бездне бед». И сама Россия являет только как прозрение, она не дана чужим и злым умам. Это прозрение открывается и в речи поэта как тайновидца России.

То особое ощущение, появившееся в 2014 году, что Донбасс на какое-то время стал «сердцем», духовным центром Русской земли, хорошо выразила в своем стихотворении Марина Орлова:

Только столица сейчас прорастает в Донецке,
Как и великая Русь – прорастает в Донбассе.

В стихотворении «Донецкий ветер» поэт вопрошает, словно переживая какое-то внезапное прозрение:

Отчего у здешних людей так прекрасны лица?
Отчего у здешних людей так красивы дети?

Это именно прозрение, а не вопрос. Наверно, людям посторонним так не покажется – чтобы увидеть эту красоту, нужно ею жить и чувствовать ее в себе. Однако нельзя сказать, чтобы это впечатление было лишь субъективным. Действительно, и это замечали многие, что у людей на Донбассе появилось что-то особенное в лицах, придающее им тихую внутреннюю красоту.

Такая красота появляется тогда, когда человек почувствовал особый вкус жизни после смертельного риска. Донецкий поэт и бард Владимир Скобцов умеет афористически передавать такой опыт. Вот его строчки:

Скажи себе строго:
– И хуже бывало.
И боли так много,
что водки всё мало.

Не будь атеистом,
душа не блудница,
здесь к Богу так близко,
что грех заблудиться.

Автор не стесняется тут совмещать в одном сюжете и человеческую слабость, и человеческую высоту: ведь и то, отчего бывает «водки мало», и то, что приводит человека к Богу – это обычно одно и то же испытание. Такова человеческая душа, и нужна поэтическая смелость для того чтобы показать ее во всей ее внутренней неоднозначности, в ее окольных путях к свету.

Московский поэт Лаура Цаголова захватывает нас своими стихами, в которых парадоксально сочетаются мистичность и натурализм, эпичность и афористичность. Здесь для погибших «Смерть оказалась светом»; а «Моей России вечность лет», ибо она существует «с незапамятных наитий». Поэт очень изысканно передает состояние души между временем и Вечностью:

Пустующих дворов тетрадные листы
Осваивают дробь дождливых сожалений.
Там, очень высоко, где помыслы чисты,
От нас уже не ждут особенных умений.
Сноровки узнавать о главном между строк
Не требуют творцы заоблачного «вкратце».
Нездешний мир привык додумывать мирок,
В котором без нужды опасно оставаться.

При всех своих стилистических и смысловых аллюзиях на Пастернака и Рильке, этот стих по-настоящему свеж и самобытен. Такую медитативную лирику трудно встретить в наше время, и поэтому весьма отраднo, что она публикуется в Луганске и называется «Песня Горловки». Но есть у Лауры Цаголовой и строки, эпически мощно схватывающие метафизику России и русской судьбы – победу бессмертия над смертью и близость рая души:

А после бабы запоют,
наохают зауспокойно.
И этот плачущий уют -
подмога думе колокольной,
заняничит душу мертвеца
до первой радости младенца.

Жизнь продолжается с конца,
растёт у Млечности под сердцем.
Спешит Небесный Краевед
из милости проговориться:
– Моей России столько лет!
Здесь Рай был некогда столицей...

Тема преображенной памяти, приобщающей нас к вечности, дана у Владислава Русанова:

Но память выцветшим конвертом
расставит все как надо точки –
и через годы в строй бессмертный
войдёт твой путь отдельной строчкой.

Раздел прозы начинается отрывком из романа Алексея Ивакина «Чернухино. ИК-23» о событиях, произошедших с заключенными одной исправительно-трудовой колонии, находящейся рядом с Дебальцево. Когда начался обстрел, охрана разбежалась, и з\к оказались одни под убийственным огнем украинской артиллерии. Проза А. Ивакина – яркая, точная, динамичная. В построении образа – явный набоковский импрессионизм; вот, например, как сказано о ногах з\к, замерзших в ледяной грязи: «ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей». (У кого так отмерзали ноги – тот знает, что точнее этого уже не скажешь). Особое его достоинство – умение наполнять бытовые детали глубинным символизмом. Например: «Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и “смотрящие”, и “опущенные”. И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни».

К сожалению, все зверства украинских войск, описанные здесь автором – документально подтверждены. Текст абсолютно реалистичен в плоть до действующих лиц, спрятанных здесь под псевдонимами. Именно такие речи говорили и военные, отделяя от толпы з\к тех, кто согласился «защитить Украину» в рядах Нацгвардии за амнистию и «1000 долларов месяц» (в этом, правда, обманули и погнали в бой забесплатно). И тех, кто не согласился, и кого обманом погнали в поле на расстрел. Их действительно было сто двадцать два, а выжило двое. Об этих двоих и ведётся повествование. Они выжили чудом, упав в канаву и отползая в сторону от места зверской казни. Они видели:

«...над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сторали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишневыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

...по краю заснеженного поля шли солдаты с красно-черными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и все.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, которые были одеты во «флору», бензина было не жалко. Волонтеры, за которыми прятались заокеанские партнеры, на бензин не жалели гривен».

Во всем мире уже знают про Одессу, но до сих пор мало кто знает, что Одесса была только началом, и подобные зверские сжигания людей живьем украинские нацисты практиковали потом неоднократно. Историки когда-то напишут об этом целое большое исследование, ибо свидетельств и свидетелей этих преступлений осталось более чем достаточно. Известно также, что некоторые из тех, кто сжигал людей живьем, считаются на Украине «героями» и носят военные награды. Это и не удивительно, если главный украинский «герой» гауптман Р. Шухевич тоже начинал свои «подвиги» на службе фюреру с сжигания в Белоруссии целых деревень вместе с жителями.

Достоинство текста А. Ивакина состоит отнюдь не в документировании военных преступлений Украины. Как и во всякой настоящей русской прозе, главная ее цель – увидеть путь преображения человека. Два бывших з\к, сидевшие по очень серьезным статьям, попадают к ополченцам. Один из них гибнет в первом же бою, прикрывая отход остальных. Оставаясь добровольно на почти верную гибель, вчерашний з\к преображается в Человека в высшем смысле этого слова: «В глазах его появилось что-то такое, что невозможно описать словами. И усталость от жизни, и понимание того, что пробил твой час, и готовность уйти. Ну и что, что разбойник? Вторым в рай, после Христа тоже разбойник вошел. А ноги Иисусу вообще проститутка обмывала».

Если бы нам нужно было представить себе тоже бывшего з\к Александра Матросова, подползавшего вплотную к немецкому ДЗОТу, то мы могли бы перечислить эти строки А. Ивакина – и их было бы достаточно.

Так преобразуется бывший преступник: увидев человеческой зверство в его самом крайнем проявлении, он самой силой вещей выброшен на сторону добра – ведь кроме сопротивления этому зверству, у него теперь уже иного пути нет. Конечно, автор в этом своем сюжете берет самый экстремальный случай, однако эта экстремальность позволяет лишь более наглядно увидеть внутреннюю логику жизни. Суть этой логики в том, что не просто так человек пойдет воевать, если его к этому не принуждают. Он добровольно пойдет воевать и умирать только в том случае, если он вдруг столкнулся с чем-то таким, чему необходимо противостоять уже ценой собственной жизни и жизни других людей. Случай сжигания раненых – экстремальный, но он и является самым мощным символом того зла, с которым уже невозможно жить рядом. Увидев такое зло, люди берут в руки оружие, и другого выхода нет.

Тема бывших заключенных на войне вообще очень важна и символична. Как известно, одним из хамских трюков украинской пропаганды всегда был миф о том, что в ополчении Донбасса, как и вообще среди населения Донбасса много «уголовников». В реальности, как раз наоборот, это среди украинских карателей бывшие уголовники всегда составляли большую и очень важную категорию людей, из них в 2014-м году набирали целые батальоны. Идя на войну за досрочную амнистию, они фактически просто возвращались к своей преступной деятельности, и устанавливали свои порядки «зоны» на больших прифронтовых территориях, занимаясь террором, грабежом и убийства людей. В одной только Луганской области достоверно известно о сотнях замученных ими людей. В составе ополчения бывшие заключенные тоже бывали, но они здесь не составляли какую-то заметную категорию людей. Здесь их было на порядок меньше, чем на украинской стороне. Это тоже точно известно.

Но здесь важен в первую очередь литературный и мировоззренческий аспект этой темы. Украинская пропаганда основана на расистской психологии Запада – делении людей на так называемых «успешных» и на отребье (white trash, буквально «белый мусор» – термин, используемый в обиходной речи в США для обозначения социальных «лузеров»). На этом делении, лицемерно спрятанном за мантрами о «свободе и демократии», основаны все отношения в западном обществе, и на нем же основано отношение Запада ко всему остальному миру – он изначально относится к категории «отребья».

Русское мировоззрение не допускает такого цинично антихристианского отношения к людям. Для нас любой человек – это образ Божий, имеющий высшее достоинство и способный преобразиться, преодолевая свои грехи и недостатки. Русская литература – это литература преображения человека; ее самый главный и магистральный сюжет – это та «история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его», о которой говорит Ф.М. Достоевский в завершении «Преступления и наказания». В русской литературе бывший преступник – это всегда перерождающийся и обновляющийся человек. Повесть А. Ивакина – в этом магистральном сюжете.

Если текст А. Ивакина и своим натурализмом, и своей экзистенциальной глубиной и напряженностью сразу погружает нас в самую суть войны, данную без всяких масок и умолчаний, то следующие за ним тексты показывают ее иные стороны, но по-своему не менее важные. Повесть луганчанина Дмитрия Митрофанова «Жаркое лето 14-го» – это воспоминания водителя «Скорой помощи». Эти люди тоже много повидали и в тылу, и почти на передовой, и это в любом случае ценно как человеческий документ. Но и художественные достоинства этого повествования не вызывают сомнений. обстоятельно и точно автор рассказывает о событиях – здесь можно узнать много важных фактов, тщательно собранных и сконцентрированных в небольшом тексте. В такой концентрации создается впечатление очень большой интенсивности событий, хотя на самом деле они переживались совсем не так, поскольку были отделены друг от друга затишьями. Но в том-то и преимущество литературы, что она способна этот «размазанный» во времени опыт сжать в одну точку. Один случай выезда, описанный автором, – на квартал Шевченко, я видел и сам, и возможно, видел самого автора – водителя «скорой», но не запомнил его в лицо. Это недалеко от моего дома. В тот день около 9 утра минометный обстрел прошел квартал по диагонали – первая мина упала на кладбище возле часовни старца Филиппа, вторая – между школами (38-й и 14-й),

третья – как раз там, куда потом и приехала «скорая» – у подъезда сзади от бывшего супермаркета «Марс», четвертая – в детский сад у дома с бывшей телефонной станцией, последняя – в гаражи за троллейбусной линией. По звуку тогда казалось, будто по земле идет великан, страшно топя ногами по земле...

Безыскусное повествование автора не только ценно с фактографической точки зрения, но часто имеет неоспоримые художественные достоинства. Вот, например, его описание весьма типичной ситуации: «Пока врач занимался оформлением бумаг, мы стояли на выезде и слушали, куда упадет очередной снаряд. Как-то особенно нервничала медсестра, страх одолевал её. Бесконечные причитания сменялись молитвами и даже обещанием налить каждому по стакану спирта в случае успешного возвращения». Когда молитвы перемежаются с обещанием налить стакан спирта, причем последний рассматривается как еще более действенное средство спасения – это принято называть «трагикомической ситуацией», которая лучше всего передается именно тогда, когда сам повествователь ее и не замечает. А книжному выражению «страх одолевал её» здесь позавидовал бы сам М. Жванецкий.

Многие свидетельства автора представляют собой ценный исторический документ и их следует использовать в будущем именно в этом качестве. Уникальна рассказанная им история легендарного танка Т-72, прикрывавшего развязку дорог возле бывшего ВВВАУШа; вид колонны полугражданских ополченцев перед штурмом аэропорта, зрелище только что освобожденных Хрящеватого и Новосветловки, и многое другое, талантливо рассказанное автором, войдет в историческую летопись нашего города.

Помимо прочего, автор отличается и природными аналитическими способностями – он не только точно замечает, откуда именно «укры» ведут обстрел, но и сделал точно такой же вывод о главной цели этих обстрелов, как и профессиональные военные эксперты. Автор пишет: «Применяемая ВСУ тактика, прежде всего, решала задачи новых украинских властей по удалению враждебно настроенного населения Донбасса... перепуганное обстрелами население было вынуждено бежать. Приверженцы Украины бежали в Украину, “сепаратисты” – в Россию. Те, кто остался с оружием в руках или без такового, подлежали уничтожению. В случае успешного военного возвращения свободной от населения территории Донбасса, враждебное население осталось бы в России, дружественное вернулось, свободное жилье и землю раздали бы участникам АТО. При таком раскладе Донбасс стал бы действительно украинским.

Летом 2014-го все так и вышло. Большинство жителей покинули свои дома. Первая часть поставленной задачи была выполнена, но оставшиеся в практически окруженном городе люди и его защитники не сдавались. На примере Новосветловки все понимали, чем грозит сдача города Украине».

Если же кто-то сочтет такой план государственно организованного геноцида невероятным, то тем самым лишь продемонстрирует свою наивность и неосведомленность. И дело даже не в том, что украинские «войки АТО» никого не стесняясь, сами озвучивали этот план, а у некоторых из их трупов были нашивки с надписью «Рабовладелец» (так они понимали свою роль на Донбассе, что тут поделаешь). Намного серьезнее то, что такой план является самой обычной стратегией марионеток Запада – например, он совсем недавно дважды был осуществлен на сербах – в Крайне, а затем в Косово.

Поэтому особый смысл имеет и рассказ Кирилла Часовских «Оперетка. Эпизод». Это воображаемый сюжет об одном из возможных – самом худшем – варианте нашего будущего. Это рассказ-предупреждение. О том, что реально произойдет, если будет реализован сценарий якобы «разрешения конфликта» путем введения международных миротворческих сил, активно продвигаемый на Западе вопреки Минским соглашениям. Тот сценарий, о котором любит упоминать американский куратор киевских марионеток К. Уолкер. Это не что иное, как сценарий геноцида населения республик Донбасса по косовскому сценарию. Характерно, что в рассказе одну из ключевых ролей играют как раз албанские и косовские «миротворцы», со знанием дела налаживающие свой наркотрафик через Изварино и по ходу расстреливающие местных жителей, не вовремя подвернувшихся им под руку. Автор тоже ведет повествование с большим знанием того, как все это делается в других «горячих точках» мира под бдительным контролем специалистов из Госдепа. А как осуществляют геноцид украинские власти, особо представлять себе и не требуется – они это наглядно демонстрируют, начиная с 2014 года в зоне военных действий.

На примере этих действий автор очень хорошо показывает, и как будет создаваться глобальная информационная ложь западными СМИ, ведь эти технологии лжи мы ежедневно наблюдаем и на множестве других примеров. В рассказе есть еще один очень острый аспект – это внутреннее предательство Новороссии в самой России, которое может произойти в случае возвращения марионеточной прозападной власти (что сделало бы возможным и весь этот сценарий). И как, скрываясь от новой власти, будут продолжать бороться герои Новороссии. Один из них, поменяв паспорт и внешность, становится учителем истории. Он действует: «Важно – закладывать в эти пустые головы то, что необходимо. Важно – не попадаться как можно дольше или, что еще лучше, вовсе не попадаться. Возможно, страна полностью просрана и летит в пропасть. Возможно, что у него ничего не получится. Но он не имеет права сдать. Даже если все будет уничтожено, он обязан сохранить максимум из того, что есть. Он – вирус из прошлого, который должен проснуться через десять, сорок, через тысячу лет и сделать то, что не смогли все они, здоровые, крепкие, тренированные, вооружённые, сделать в 2014. Он должен».

Пока такие люди существуют, Россия непобедима.

К сфере художественного воображения относится и рассказ Василия Бокаева «Цена коррекции» – о том, как погибший ополченец, у которого в Горловке погибли жена и дочь, чудом оказывается не сразу на том свете, а на некоторое время попадает в прошлое – в 1993 год. Пытаясь предотвратить будущие события, он ликвидирует всех будущих лидеров «майдана», а затем подрывает себя гранатой, отправляясь далее по назначению. Конечно, такой сюжет кажется несколько наивно-эмоциональным, но в нем есть и важный подтекст: ведь действительно, казалось бы, не было бы людей, начавших войну – не было бы и войны. Но увы, не все так просто. Если глобальным диктаторам нужна война на подконтрольной им Украине, то она в любом случае будет. Подонки-исполнители, к сожалению, всегда найдутся.

Новелла Николая Иванова «Северный ветер» вновь возвращает нас к грубой конкретике войны – но не в те натуралистические кошмары, о которых писал А. Ивакин, а во внутреннюю, душевную часть военного быта и боев. Здесь очень точно, во всех деталях показан бой, есть убитые и раненые, но сам рассказ совсем не об этом. Он – о душе, точнее, о душах людей, оказавшихся здесь. Автор – заслуженный мастер военной прозы и нынешний глава Союза писателей России – незаметно погружает читателя во внутренний мир героев так, что уже почти сразу они начинают нам казаться близкими и давно знакомыми людьми. В небольшое повествование об одном бое российского добровольца (ночная атака «вояк» из бывших заключенных), вместились и вся его личная судьба – потеря любви, воспоминания о другой войне, и портрет всего его поколения – не «потерянного», как принято кем-то вздыхать, а как раз наоборот, *нашедшего себя* в войне за спасение своей великой Родины.

Рядом с прозой мастера совсем не скромно смотрится и яркий рассказ луганского автора Андрея Кузнецова «Автобиография». Это современная версия «Повести о настоящем человеке» (эту повесть ее герой и читает по совету врача перед операцией). Автор уникально вживается в состояние тяжело раненного бойца, чудом уцелевшего под обстрелом (вся его группа погибла), и не меньшим чудом не замерзшего в снежной степи, а доползшего до своих без руки и с перебитой спиной. И ему еще предстояло победить и отчаяние от своей ненужности на гражданке, и даже вернуться в строй.

Рассказ ростовчанина Богдана Штыбенко «В двух часах от мира» весьма интересен в фактическом отношении, показывая сопереживание русских людей, наблюдающих бои и бедствия людей через границу, оказывая всю возможную помощь, а также фиксируя факты обстрела украинскими войсками российской территории, о которых сейчас уже почти забыли. Не менее важно и чисто художественно обретение автора – то, как он показал парадоксальный контраст мирной и военной жизни, соседствующих совсем рядом.

Наконец, нельзя не упомянуть и маленький столь умильный рассказ луганчанки Светланы Тишкиной «Форточник» – о том, как почти сроднились люди и птицы в дни войны, когда люди делились последним, не давая погибнуть с голоду братьям нашим меньшим. И голубь, чувствуя, что его спасут, вдруг стал без страха залетать на кухню, с разгона ударом открывая форточку. И так некоторые голуби выжили тогда в блокаду летом 2014-го. Хотя сколько их тогда валялось на земле – от взрывов у них останавливалось сердце! Автор от жалости даже не уничтожила осиное гнездо на балконе, пока осы не закусили ее до полусмерти. И такие хозяйки, спасавшие брошен-

ных котов, собак и голубей, хотя сами уже почти голодали – были тогда явлением массовым среди тех, кто остался. По контрасту с теми, кто бросил их на голодную смерть и уехал. Война обнажает людей до конца.

В разделе альманаха, посвящённом драматургии – два произведения. «Opus 23» луганчанина Олега Ивашева – хороший сценарий для фильма. В основе сюжета – история тайной продажи украинским генералом целого эшелона бронетехники ополченцам летом 2014 года. Похожих историй было много, поэтому случай достаточно типичный. На основе такого сюжета можно весьма компактно показать «анатомию» украинской армии в ее человеческом «материале». И этой возможностью автор очень удачно воспользовался. Типичные образы – это не столько сам генерал, показанный ситуативно, сколько два украинских «главных героя» с позывными Вуйко и Моцарт. Если первый – это достаточно стандартный типаж недалекого «западена» с его инфантильными мечтами «про Европу», то второй – это современный тип человека их артистической богемы, не по своей воле оказавшегося на войне. Как водится, – это образ достаточно известный по романам об обеих мировых войнах, – человек искусства служит духовным контрастом ужасам войны. В финальной сцене он расстреливает очередью из автомата дорогой трофейный рояль, дабы он не достался жадному генералу. Это романтическая сцена не очень реалистична, однако удачна для сценического эффекта, как и целый ряд других. Сюжет явно изначально написан под стиль «экшн», и был бы весьма удачен на экране, если фильмы об этой войне будут сниматься.

Пьеса «Перемирие» дончанина Алексея Куралеха также сделана по всем законам этого жанра и готова для воплощения на сцене. Сюжет, правда, тоже не отличается особой реалистичностью, хотя вполне вероятно, что похожие ситуации могли быть и на самом деле. Но предложенный автором сюжет ценен не этим, а тем, что позволяет поставить художественный эксперимент – свести лицом к лицу врагов, но так, чтобы они не могли воевать и вынуждены были общаться. Во время краткого перемирия обе враждебные стороны высылают в нейтральную зону своих людей для ремонта сельского дома, в котором осталась лишь одна хозяйка – беременная женщина с домашней скотиной. Позывные героев символичны: «укры» Че Гевара и Шумахер; ополченцы Ной и Ахилл. Первые отсылают на Запад, причем Че Гевара действительно болен «революционным» сознанием (что весьма точно, поскольку исторически и большевики, и бандеровцы были революционерами, по своим характерам и методам похожие, как близнецы); Шумахер же символизирует стремление к так называемой «успешности». В свою очередь, Ной и Ахилл символизируют вечные начала человечества: первый – спасение праведников в море греха и деградации; второй – честь и безрассудный героизм. Беременная женщина – также архетип: она символизирует единую для всех Родину, страдающую от раздоров, но которую когда-то будут восстанавливать вместе бывшие враги.

Правда, Че Гевара сам же и сомневается в смысле «революционных» преобразований: «Знаешь, я раньше думал, гражданская война – это когда встаёт вся страна: половина за красных, половина за белых. Кто кого. Чья правда – тот и победит. А выходит, народ на трибунах сидит и смотрит, как две команды друг друга мочат. Будто бои без правил. Или футбол: “Шахтер” – “Динамо”... Ждут тупо, чья возьмет. А реально – всем пофиг!.. А если всем пофиг, для чего тогда всё? В чём смысл?! Объясни!». Да, к сожалению, до всего этого людям на Украине приходится доходить своим умом, ибо историю они не знают. Впрочем, в наше время ее и нигде не знают. И поэтому можно манипулировать людьми по тем же стандартным лекалам, как и раньше, разжигая войны по всему миру, как это успешно и делает Запад. И сто лет назад Гражданская война на территории бывшей Российской империи была точно такой же – разожженная внешними силами, устроившими «революцию» и натравившими одну часть народа на другую. И абсолютное большинство в ней не участвовало, лишь наблюдая со стороны, как два процента населения яростно истребляет друг друга. И победили тогда вовсе не те, «у кого правда», а те, кто был более подлым и жестоким. Но когда это стало понятно, уже невозможно было что-то изменить. То же самое повторилось и сто лет спустя – на украинском, и прочих «майданах» бывшей Российской империи.

Сюжет пьесы развивается ярко, но при этом очень логично: герои начинают с игнорирования друг друга, затем переходят к спорам с жестоким мордобоем, наконец, вместе работают и выпивают, естественно, становясь почти друзьями. Правда, под конец Ахилл засовывает в вещмешок

«зукрам» взведенную мину, но Ной открывает тайну и спасает их от гибели. Ополченец кричит: «Героям слава!», на что «укры» отвечают: «“Шахтер” – чемпион!». Кроме того, предупреждают друг друга о засадах на пути назад, а под конец вместе попадают под обстрел, который идет непонятно с чьей стороны. Не важно, повторим, могло ли все это произойти в реальности – суть не в этом. Автор создал экспериментальную ситуацию, в которой реальные враги смогли встретиться и поговорить, как люди, а не как враги. Такое в реальной жизни как раз и происходит очень часто, хотя, естественно, и не на нейтральной полосе фронта. Задача драматурга – сконцентрировать эту ситуацию в рамках плотного сюжета с живыми, а не абстрактными героями. Как нам кажется, автору это удалось как по содержанию, так и по сценическому воплощению. Этот эксперимент крайне важен именно для того, о чем мы писали выше – для преобразования памяти. В пьесе охвачены все точки зрения на происходящее, читатель и зритель может узнать много таких подробностей, о которых не сообщали СМИ ни на той, ни на другой стороне, – но над всеми частностями стоит целостное видение гражданской войны на Украине как неизбежного результата всех тех обманов, которым подвергался народ до этого. Вследствие этого возникло разделение и ненависть. Невозможно просто «примирение» между сторонами в том состоянии, в котором они сейчас находятся. Мир наступит только тогда, когда Украина перестанет врать своим гражданам буквально во всё – начиная со лжи о светлом «европейском будущем» и заканчивая мифами о «сепаратизме» и «российской агрессии».

При всей своей многообразной тематике альманах «Воля Донбасса» обладает смысловой и художественной целостностью. Но это не только целостность общей темы, но в первую очередь – это целостность той мудрой и героической «картины мира», которую несут в себе столь разные авторы, но совсем не случайно объединенные под одной обложкой. О главной сути этой «картины мира» очень точно написала Наталья Литвиненко (Перепёлка):

Война присутствует намеком,
Как взгляд тяжёлый за спиной.
Она не только о высоком,
Но чаще в жизни бытовой...
Вот стол.
Вот хлеб.
Под град событий,
Под их победы и печаль
Простым вещам их вкус забытый,
Простым вещам их смысл сокрытый
Она способна возвращать.

Этот маленький стихотворный шедевр можно было бы даже поставить эпиграфом ко всему альманаху. В этих проникновенных строчках, в которых явно слышится мелодика А. Твардовского, очень ёмко выражен тот опыт переживания войны, который хранит народ и который так ярко передали нам авторы – как дар преображенной памяти, который останется с нами навсегда.

